

Юмор
летит

Короткие

смешные

рассказы

© неужли

Юмор лечит

Алексей Артемьев

**Короткие смешные
рассказы о жизни**

«Крафтовая литература»

2020

Артемьев А. А.

Короткие смешные рассказы о жизни / А. А. Артемьев —
«Крафтовая литература», 2020 — (Юмор лечит)

У каждого в жизни бывали случаи, при упоминании которых окружающие смеются до колик. Забавные происшествия, которыми хочется поделиться со всем миром. Истории, от которых даже самые унылые меланхолики не могут сдержать смех. В этой книге собраны юмористические истории из жизни. Собраны с той целью, чтобы в любую непогоду заряжать праздничным настроением и вызывать улыбку. Ведь порой от улыбки до позитивного мышления не такая уж и пропасть! Всего-то шаг. Всего-то одно перелистывание страницы.

© Артемьев А. А., 2020

© Крафтовая литература, 2020

Содержание

Нина Левина	6
Нина Левина	9
Галина Димитрова	12
Олег Гонозов	14
Юлия Чаглуш	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Короткие смешные рассказы о жизни В рамках проекта «Юмор лечит» Выпуск 1

*Авторы Нина Левина, Галина Димитрова, Олег Гонозов, Юлия Чаглуш, Татьяна Попова,
Геннадий Авласенко, Алексей Артемьев, Владимир Ржин, Вячеслав Майоров, Марат Валеев,
Павел Гушинец*

*Редактор Дина Рубанёнок
Руководитель проекта Максим Суворов
Дизайнер обложки Наталья Лебедь*

Нина Левина

Фото на партбилет

Этот случай произошел со мной сразу после окончания института, как только я приступил к работе инженером-звукотехником в кинотеатре. Отец отчима, дед Жора, начал настойчивую кампанию по моей обработке на немедленное вступление в партию.

– Ты молодой советский инженер, – каждый вечер начинал он крутить свою пластинку, – а партии нужны перспективные свежие кадры. Ты несешь культуру в народные массы, а с мудрой партийной поддержкой будешь делать это правильно и более успешно. – И так далее в том же духе.

Но так как в студенческие годы я был активным комсомольцем и при этом успел поработать внештатным сотрудником ОБХСС и уголовного розыска, то мне неоднократно доводилось принимать участие в арестах и задержаниях членов партии. Поэтому я обычно парировал деду:

– К чему это? Я уже повидал немало проходимцев и среди партийных работников!

– Тем более! Такие люди, как ты, нужны нам! Вступишь в партию и поможешь очистить ее от несознательных элементов! – продолжал гнуть свое дед.

Что-что, а уговорить вступить в партию дед Жора мог даже мертвого. Аккуратный седой старичок всю жизнь преуспевал на этой ниве. Его карьера неразрывно была связана с партийной работой, к нему относились с уважением и назначили главой комиссии по приему в партию одного из райкомов столицы.

Как говорится, вода камень точит. Так и постоянные увещевания деда Жоры сделали свое дело. Я подумал: «А что? Действительно, надо вступить в партию. Я молодой и перспективный инженер. Опять же, и в карьерном росте это может пригодиться, и с проходимцами изнутри бороться легче». Решено! В один прекрасный день я надел чистую белую рубашку, отутюженные брюки, тщательно причесался и в приподнятом настроении отправился в свой райком, где, как мне казалось, меня тут же встретят с распростертыми объятьями и непременно похвалят за примерное рвение.

В райкоме мне указали кабинет, в котором проводился прием документов от кандидатов на вступление. В кабинете, с трудом вмещая в кресло заплывшее жиром от нервной работы тело, сидел человек, в руках которого оказалась моя дальнейшая судьба и мои же документы. Я не помню точно фамилию, но можно условно назвать его – товарищ Кондратюк.

Товарищ Кондратюк долго просматривал мою анкету, иногда бросая на меня подозрительно неодобрительные взгляды. После третьего такого взгляда мое приподнятое настроение начало медленно испаряться, и я занервничал, не понимая, что же в кристально чистой биографии может вызвать такое неодобрение.

Наконец товарищ Кондратюк отложил в сторону бумаги и, тяжело отдуваясь, спросил:

– Так кем, молодой человек, работаете?

– Инженером в кинотеатре.

– Инженере-е-ером! – презрительно протянул товарищ Кондратюк. – Интеллигентничко! А партия у нас чья?

– Чья? – не понял я вопрос.

– Партия у нас рабочих и крестьян, то есть пролетариата. А не интеллигентиков разных. С вами хлопот потом не оберешься! Не-ет, молодой человек! Партии нужны пролетарии! И точка! Так что забирайте ваши документики, такая кандидатура нам не подходит!

Горькая обида застилала мне глаза. Больше ни о чем не спрашивая, я сгреб свои бумаги и пулей выскочил из райкома.

Вечером я, как мог, отвязался на деде Жоре.

– Партии нужны молодые и перспективные, говоришь?! – кричал я, размахивая руками перед дедом. – А мне сегодня твоя партия в лице товарища Кондратюка вот такенный кукиш показала. «Инжене-е-ер!» – передразнил я товарища Кондратюка. – Мне впервые стыдно стало, что я высшее образование получил! Оказывается, раз у меня на руках мозолей нет, так я жалкий интеллигентишко!

Дед все терпеливо выслушал и ничего не сказал. Только с утра надел свой парадный костюмчик и куда-то отправился. Я же быстро позавтракал и помчался на работу.

Аккурат перед обедом забегает ко мне киномеханик и говорит:

– Сережа, выйди на минутку, там к тебе пришли.

Выхожу. Стоит мой дед Жора в костюмчике, меня дожидается. Увидел меня и говорит:

– Сережа, сейчас же срочно беги в свой райком партии к товарищу Кондратюку. Он тебя ждет.

– Что? – возмутился я. – К этому борову толстому? Я у него вчера был, не пойду больше.

– Сережа, не дури! – прикрикнул на меня дед. – Сказано – срочно и ждет.

Делать нечего, отпраился я с работы на пару часов и помчался в райком. Захожу в знакомый кабинет, и что я вижу! Товарищ Кондратюк при виде меня расплылся в нежнейшей улыбке. Он, бедняга, еле вытащил себя с обоих боков из кресла и всей колышущейся массой бросился мне навстречу.

– Сергей, проходите, пожалуйста! – заявил он, трясая меня за руку. – Ну как же так? Такое недоразумение вчера! Надеюсь, вы забудете этот нелепый инцидент? Что же вы сразу не сказали, что у вас такой поручитель? Нехорошо получилось. – Он захихикал, а потом перешел на деловитый тон. – Так, у нас очень мало времени! Нужна срочно ваша фотография на партбилет!

– Но у меня сейчас нет, – бормотал я растерянно, обескураженный таким неожиданным приемом. – Я могу на днях сделать и занести.

– Ни-ни-ни, – энергично замотал он головой. – Никаких «на днях»! Сегодня же! Срочно! С меня спросят! Здесь на соседней улице есть фотоателье, там быстренько сделаете – и ко мне!

– Так у меня даже белой рубашки нет. И галстука! – пробовал я возражать. – Я в цветной рабочей тенниске!

– Не проблема! – воскликнул товарищ Кондратюк. – Я сейчас дам вам свою. И галстучек тоже.

На моих изумленных глазах товарищ Кондратюк, тяжело дыша и путаясь толстенькими пальцами в пуговицах, начал снимать свою рубашку. Разоблачившись, он остался в майке, а я, сняв свою тенниску, замотался в его белую рубаху, при этом став слегка похожим на привидение. Воротничок рубахи застегнулся чуть выше солнечного сплетения. Кое-как я подтянул его повыше, затянув галстук. Я еле сдерживался от смеха, представляя себя бегающим в таком виде по улице в поисках фотоателье. Но, взглянув на уважаемого партийного работника, сидящего за внушительным столом в одной майке, сдержаться не смог и нервно хихикнул.

– А как же вы в таком виде? – поинтересовался я.

– Ничего, для всех остальных у меня сейчас обед. – Товарищ Кондратюк судорожно сглотнул. – Но вы нигде не задерживайтесь!

Я пулей выскочил из райкома и на всех парусах развевающейся рубашки помчался на соседнюю улицу в фотоателье. Я точно не знал, где именно оно находится, но, выскочив из-за угла, сразу же выхватил взглядом слово «ФОТО» на большой вывеске, висящей над массивной дверью. Туда я и ворвался вихрем. В ателье никого не было. За конторкой приема заказов сидела дородная дама характерной наружности – вылитая моя бывшая учительница Раиса Моисеевна. Она медленно подняла на меня пронизательные глаза, округлившись от удивления.

– Что у вас случилось, молодой человек?

– Мне нужно срочное фото на партбилет! – выпалил я.

– Что-что вам нужно?! – Дама с нескрываемым любопытством посмотрела на меня в упор.

– Срочное фото на партбилет.

Дама сначала затряслась в мелком смехе, а потом живенько развернулась дородным бюстом на сто восемьдесят градусов и громко закричала резким голосом:

– Яша! Яша! Скорей иди сюда! Ты должен это слышать своими ушами!

Из темного помещения позади дамы выскочил взъерошенный долговязый фотограф Яша.

– Смотри сюда, – дама говорила с трудом, захлебываясь от смеха, – этот молодой человек хочет, чтобы ты сделал его фото.

– Чье?! – удивленно переспросил Яша, поправляя очки на крупном носу.

– Мое, конечно, – пожал я плечами, недоумевая, чем мог привести даму в такое веселье.

Яша всплеснул руками:

– Первый раз за мою жизнь клиент приходит сам! Вы костюмчик себе сами подбирали? – И, не дожидаясь моего ответа, спросил: – А вам на металле, граните или эмали?

– На каком еще металле?! – воскликнул я. – Мне – на партбилет!

Дама и Яша переглянулись и захохотали уже вдвоем, захлебываясь, с оханьем и вытиранием слез. Наконец Яша первый пришел в себя и, прерываясь на легкие всхлипывания, сказал:

– Так это вам, молодой человек, на ту сторону улицы. Вы немного не туда пришли. И немного не вовремя. – Он снова зашелся смехом.

Но я уже выскочил на улицу, и, действительно, напротив, на другой стороне улицы красовалась вывеска «Фотоателье». А куда ж тогда я сейчас заходил? Я развернулся и прочитал вывеску, висящую над входом. Крупными буквами было написано слово «ФОТО», и под ним более мелкими внизу значилось «на памятники: на металле, граните, эмали. Быстро и качественно!»

Так «триумфально» началось мое вступление в партию. Все. Занавес.

Нина Левина

Про «Тихий Дон» и прививку от жадности

Будучи студентами, в семидесятых годах прошлого столетия, мы с друзьями неоднократно подрабатывали летом проводниками. Я предпочитал длинные, выгодные рейсы типа Киев-Караганда, но однажды согласился на уговоры одноклассника Гриши взять рейс в Ростов-на-Дону, чтобы посмотреть на прославленную Шолоховым реку.

– Серега! Нам обязательно надо побывать на Дону! – уговаривал меня Гриша. – Шолохов! «Тихий Дон»! Знаменитая река! Поехали! Когда еще такая возможность представится?

И я согласился. Действительно, почему не съездить, на Дон не посмотреть?

Прибыли мы в город поздно вечером, уже стемнело. Поезд отогнали в отстойник за несколько километров от вокзала. И надо же такому случиться: отстойник для поездов был прямо на берегу величавой реки, увидеть которую мы так стремились.

– Серега, айда купаться! – Гриша подпрыгивал от нетерпения. – Когда еще выпадет такой случай?

Купаться так купаться! Что мы, зря за тысячу километров ехали? С разбега бултыхнулись в темные воды Дона и поплыли. Пльвем, радуемся, руками загребаем.

– Представляешь, Серега? – кричит мне Гриша. – Мы с тобой в Дону плаваем! В знаменитом! Будет что вспомнить и в Киеве рассказать!

А я вдруг перестал вслушиваться в то, что Гриша мне кричит. Я почему-то начал активно принохиваться.

– Гриша, – говорю, – а тебе не кажется, что запах какой-то странный?..

– Вечно ты ко всему придираешься! Теперь тебе Дон не угодил! – возмутился Гриша. – Хотя... Запах какой-то есть... Водоросли, наверное, – предположил он и тоже засопел, принохиваясь.

И тут в неровном свете луны и далеких отблесков фонарей отстойника я заметил, как мимо меня что-то проплыло, слегка покачиваясь... Потом еще что-то... И я с ужасом понял, что это куски фекалий. Всмотревшись внимательнее в расстилавшуюся гладь знаменитой реки, я заметил множество таких же качающихся на поверхности предметов, а у самого берега разглядел широкую трубу, из которой продукты жизнедеятельности большого города стекали в величавую легендарную реку...

Надо было видеть и слышать, как мы с Гришей орали и гребли к берегу! Мы побили все рекорды скоростного плавания. Мы почти бежали по воде! Ворвавшись в свой вагон, спустили на себя всю воду из баков и извели все мыло, отмываясь от запахов Дона... Отныне ореол романтики «Тихого Дона» Шолохова померк для нас навсегда в изысканном аромате городской канализации.

Позже, уже в институте, я еще долго Гришу подкалывал. Подойду, бывало, к нему, принохаюсь и говорю:

– Как от тебя интересно пахнет сегодня!

– Одеколоном? – спросит ничего не подозревающий Гриша.

– Нет, известным тебе Доном... Может, скатаем? Скупнемся?

В другой рейс напросился со мной одноклассник, волейболист Алик.

– Серега, ты, говорят, неплохо в проводниках устроился. Хорошие деньги зарабатываешь. Возьми к себе напарником, я тебе помощником буду, а ты меня всему научишь.

После долгих упрасиваний Алика я согласился, хотя одному мне было легко устраиваться на выгодные рейсы, а для двоих выбор резко сужался. Нас взяли на короткий рейс Киев-Херсон, ночь туда и ночь обратно. Но направление было южное, а значит, в плане «зайцев» вполне перспективное. Проводников катастрофически не хватало, и на два вагона нас было трое: мы с Аликом, временщики, и тетка, проводница из постоянного состава.

Женщине было лет под пятьдесят, она категорически замотала головой, когда я начал ей излагать свое видение заработка на «зайцах».

– Ой, нет, хлопцы! Я с «зайцами» боюсь связываться. У нас ревизоры дже строгие – если на чем поймают, отправят на штрафные работы на мусорник!

– Значит так, мать, нам мусорные работы не страшны! – убеждал я ее. – Мы – студенты! С нас взятки гладки. Давай так: забирайся на верхнюю полку и лежи там весь рейс, книжку читай, кроссворды разгадывай. А мы берем «зайцев» и ревизоров на себя. Если что – ты не при делах!

Так и договорились. Тетка взобралась на верхнюю полку, и мы с Аликом начали шуровать в двух вагонах. В «зайцах» недостатка не было, денежки текли рекой. Алик радостно постигал науку работы проводником, а зашедшие к нам ревизоры проследовали в следующие вагоны с довольными улыбками на лицах.

Все заработанные деньги мы с Аликом сносили в купе, где возлежала наша тетка проводница, и отдавали ей на хранение, чтобы они у нас не торчали из карманов. Не мешающая напарница радостно складывала купюры в надежное место – за пазуху. К концу поездки размер груди нашей тетки заметно подрос размера на два.

Наконец рейс подошел к завершению, до Киева оставалось часа полтора езды. С «зайцами» было закончено, настало время поделить «честно заработанные непосильным трудом» денежки. Мы зашли в купе к нашей проводнице, и я сказал:

– Ну, мать, доставай выручку, будем делить деньги на троих!

Проводница вытаращила на меня глаза:

– Яки гроши? Ничего не знаю!

– Как это ничего не знаешь? Ты так не шути! Весь рейс отдыхала, а мы вкалывали. Деньги приносили тебе на хранение. Доставай! Мы же на всех делить будем! Тебе – одна треть. – Я наивно пытался что-то ей объяснить.

– Сраку вам собачью, а не гроши! – выкрикнула тетка, встав в позу и уперев руки в бока. – Ничего не дам!

Мы с Аликом оторопели. Оба опытные спортсмены, но драться с женщиной, а тем более лезть к ней за пазуху мы не могли. Даже в голову такое не приходило. А тетка стояла, вытаращив на нас глаза, полные крысиного блеска. Здравый смысл в них затмили водяные знаки денежных купюр. Я подошел к ней вплотную и спросил ровным спокойным голосом:

– Ты хорошо подумала?

– Сказала – не дам! Знать вас не знаю! – выпалила тетка.

– Хорошо, ты сама так решила. Не жалуйся потом. Алик, пойдём. – Я вывел ошалевшего приятеля во второй вагон.

– Вот так заработали! – Алик от обиды поджал губы. – Что будем делать?

– Как что? Учить жлобиху! – Я посмотрел в окно на проносящиеся мимо столбы, поля и дороги. – Открывай окна и двери и выбрасывай все из вагона!

Я первым раскрыл окно, схватил постельное белье и начал вышвыривать его из вагона. Белыми лебедями полетели простыни и наволочки, цепляясь за придорожные столбы и трепеща на ветру, словно флаги капитуляции. Следом за бельем в окна шмыгнули одеяла и подушки; мелодично звякнули, вываливаясь, стаканы и подстаканники, спикировали вилки и выпорхнули занавески. Когда мы выпихивали последний матрац, в вагон вбежал запыхавшийся бригадир поезда.

– Хлопцы! Вы шо творите?! – заорал он. – Караул! Там все пассажиры прилипли к окнам! Я вперше такое бачу!

– Спроси у своей проводницы, – ответил я, и матрац благополучно нырнул следом за своими собратями.

Через минуту ворвалась проводница и замерла от изумления, увидев девственно чистый вагон, словно только сошедший из заводского цеха. Ни одного матраца, ни одного одеяла, ни одной занавески – совершенно пусто! Временное наваждение, навеянное денежными купюрами за пазухой, постепенно исчезало из ее глаз, уступая место здоровому ужасу.

– Ой, хлопцы! – закричала тетка, ломая руки. – Пробачьте меня! Шо ж я натворила, дура старая?!

Денег мы у нее, конечно не взяли. Гордые сошли в Киеве. Надеюсь, содержимого ее пазухи хватило на то, чтобы оплатить эту «прививку от жадности». Хотя вряд ли.

Галина Димитрова Расстрелянный кот

После вчерашней ссоры с женой из-за длительного похода с другом Санькой в пивбар сегодня с работы я сразу примчался домой. Хотелось помириться. Тихо открыв дверь, услышал голос тещи. Прислушался, думал, вдруг обо мне речь. Однако, напрягая слух, разобрал:

– Скоро пойду, о Яшке надо позаботиться.

Яшка – любимый кошак матери моей жены.

Я зашел в комнату. Мои дамы смотрели по телику какую-то передачу. Решив прогнаться перед тещей, я поздоровался и бодренько спросил:

– Ну и что там Яшка?

Жена строго взглянула на меня и фыркнула:

– Не смей так неуважительно! Какой он тебе Яшка?

– Хм, – чуть прибалдел я, – а как прикажешь его называть?

– Вообще-то его зовут Яков, – она презрительно скривила бровь.

– Ну хорошо, Яков так Яков. – Я очень хотел помириться, и спор не входил в мои планы. –

Так что же случилось с Яковом?

– Можно подумать, ты не знаешь. – Жена уже чуть ли слюной не брызгала от возмущения.

– Милая, я действительно не знаю. Мне никто ничего не рассказывал.

– Убили его, – вмешалась теща, – даже отец не помог.

– Отец? А что, мама, вы знаете, кто его отец? – Сюрреализм какой-то.

– Ты, зятек, пивом, видно, все мозги вымыл из башки. Все знают, кто его отец. – И теща посмотрела на меня так, как будто я был тяжело болен.

Я набрал побольше воздуха в легкие, чтобы не послать их куда подальше вместе со своим котом, и миролюбиво спросил:

– Ладно, допустим, отец не помог. А кто его убил-то?

– «Кто, кто!» – заверещала жена. – Издеваешься, да? Или debil совсем? Даже дети знают, кто его убил, а он, видите ли, не знает. – И злорадно добавила: – Пива надо меньше пить.

– Да причем тут пиво? Я правда не знаю. Зачем было его убивать? Он, вроде, безобидный был, не лез никуда. – Я изо всех сил старался изобразить сочувствие от безвременной кончины вполне приличного кота.

– Мам, он же над нами издевается. Все знают, а он, видите ли, не знает, – жена просто шипела от возмущения. – Потому что одно пиво на уме.

– Подожди, Жанна, не горячись. Может, он и вправду не знает, глаза-то вон – по пять рублей, – выступила в мою защиту теща. – Гена, – уже обращаясь ко мне назидательным таким тоном, – безобидный – не безобидный, кому до этого дело? Главное, он же русский, хотя и не совсем русский, но для его убийц это было не важно.

– Якова убили за национальность? – А я и не знал, что у котов так остро стоит национальный вопрос. Видать, тещу хорошо торкнуло.

– Не только. Они узнали, кто его отец, – теща разговаривала со мной как с психически неполноценным.

– А отец – он, что ли, жив? – Казалось, что мы ведем какую-то непонятную мне игру.

– Ты идиот, – вновь зашипела жена. – Конечно, он тогда был жив.

– А потом его тоже убили? – Ладно, я еще немного попытаюсь продержаться в этом дурдоме, хотя терпение уже на пределе.

– Говорят, он умер своей смертью, от болезни, – это снова теща. – Но я в это не верю, думаю отравили.

– Кто отравил? – Я решил дойти до конца этой фантазмагии.

– Кто-то из своих. Мешал он им. А так жалко, я целый день рыдала, когда узнала. – У тещи в глазу блеснула слеза. Соседей она в виду имела, что ли?

– Ладно, оставим отца в покое. А Якова-то кто все-таки убил? – Я ждал, теща задумалась. Лучше бы я пошел пить пиво.

А жена с ненавистью посмотрела на меня и яростно заорала:

– Кретин! Меньше по пивбарам шляться надо. Немцы его убили! Немцы! Не знает он!

– Немцы? – Я понял, что у кого-то из нас окончательно едет крыша. – А каким образом?

– Жанна, да он точно ничего не знает. Посмотри, не притворяется.

– А ну дыхни! – рывкнула жена. Я послушно дыхнул. – Странно, трезвый. В самом деле не знаешь, что его расстреляли?

– Рас-стре-ля-ли? – Кота стало безумно жалко. – Вот фашисты!

– Конечно, фашисты. Сначала за колючей проволокой держали. Издевались, – с готовностью поддержала мои выводы теща.

– За колючей проволокой? Садисты какие-то. А где это случилось?

– В Германии, конечно, – теща тяжело вздохнула.

– А что Яков делал в Германии? – Они все-таки надо мной издеваются, понятно, хотят доказать, что много пива пить вредно.

– Нет, ты в самом деле идиот или притворяешься? – с ужасом прошептала жена. – В плен его взяли. Думали на отца надавить. Но не получилось. И расстреляли.

Я больше не мог сказать ни слова. В моем воображении нарисовалась группа немцев, задавшихся целью уничтожить парочку котов из России. Причем старшему, видно, удалось смыться, а младшего они прихватили с собой в Германию, где посадили за колючую проволоку. А когда старшего изловить так и не удалось, тещиногo Якова расстреляли. Что им сделал российский кот – непонятно. Может, у него чип вставлен в голову был? Или он работал на ФСБ? Сюр, точно, сюр...

Я почесал затылок и лихорадочно стал соображать, кого из нас срочно надо отправить в психиатрическую лечебницу. Жена сидела, надув губки. Теща от греха подальше поднялась и засобиралась домой, я осторожно хотел выразить ей сочувствие и пошел проводить до двери.

– Что так рано, мама? Посидели бы еще, чайку попили.

– С удовольствием бы, Гена, да надо идти. Кот дома голодный.

– Какой кот? – поперхнулся я. – Расстрелянный?

– Да что с тобой сегодня, Гена? Мой кот Яшка. – Я уже не понимал ничего. А перед глазами маячило в кружке холодное янтарного цвета пиво, аж слюна потекла.

– Ты зачем такой концерт устроил, Гена? – Жена обиженно посмотрела на меня, когда я в полном обалдении вошел в комнату. – Хотел перед мамой выглядеть двоечником, который не знает, как погиб Яков Сталин?

Они с тещей, оказывается, передачу по НТВ смотрели о сыне вождя народов.

А я все-таки сбегал за пивом, и мы потом еще долго не могли справиться с истерическим хохотом при упоминании имени тещиногo кота.

Олег Гонозов

Невостребованная классика

В интернат для престарелых нагрянул артист областной филармонии Василий Собакин. Семидесятилетний мастер художественного слова уже смирился со своей невостребованностью, но отказаться от любимого дела, которому отдал жизнь, тоже не мог. Он безвозмездно выступал то перед ветеранами педагогического труда, то в районном обществе инвалидов, то в клубе пенсионеров «Золотой возраст». Читал обычно русскую классику.

Вот и в этот раз, профессионально окинув взглядом полупустой зал, Василий Собакин начал со стихов солнца русской поэзии Александра Сергеевича Пушкина:

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час...

От Пушкина Собакин перешел к Есенину, которого любил с детства:

Уж крышку туго закрывают,
Чтоб ты не мог навеки встать,
Землей холодной зарывают,
Где лишь бесчувственные спят...

Эмоции переполняли чтеца, время от времени он закрывал глаза и заламывал руки. Публика затаенно молчала, лишь изредка с первого ряда раздавался скрип костыля.

— Анна Андреевна Ахматова. «Буду тихо на погосте», — объявил Собакин, тряхнул седыми волосами.

Скрип костыля в первом ряду заметно усилился, а с задних рядов раздалось: «А повеселей ничего нет?»

— Други мои! — обнажив искусственные зубы, улыбнулся Собакин. — Это же классика, Серебряный век!.. Не хотите Ахматову — тогда Марина Ивановна Цветаева. Вы только послушайте:

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий,
Ненавистный лоб...

Дочитать стихотворение до конца мастер художественного слова не сумел. Костыль, метко брошенный инвалидом из первого ряда, угодил ему ровнехонько в грудь и поверг мастера художественного слова на пол.

Рука и глазомер не подвели ветерана спорта. Кто же мог предположить, что в юности тот был чемпионом области по метанию копья?

Юлия Чаглуш

Подарок

Обычно счастье в мою жизнь врывается с гиканьем и цветными цыганскими плясками. Оно с ноги распахивает входную дверь и кружит меня в диком хороводе страсти и безумств. Завораживает, опьяняет, сводит с ума и просит остаться жить навечно. Я соглашаюсь, но при условии, что оно будет тихим и ласковым, иначе не выдержу такого напора и свихнусь. Счастье успокаивается, поудобнее устраивается в уголке и наблюдает за нами, изредка подавая голос, если вдруг ему кажется, что мы про него забыли. Эта схема меня вполне устраивала. До одного памятного дня...

Рабочий день уже подходил к концу, когда внезапный звонок на мобильный прервал бег в колесе.

– Зайди на минутку, серьезный разговор к тебе имеется, – голос шефа был вкрадчив и опасно ласков. Прокрутив в голове сто и один вариант развития событий – от повышения до увольнения – и не найдя поводов для последнего, решительно шагнула навстречу Судьбе.

– Вызывали? – с деланной уверенностью спросила я, просунув голову в директорский кабинет.

– Нет, блин, автоответчик сработал, – попыталось пошутить руководство, вставая из-за стола. – Заходи – не бойся, выходи – не плачь.

– Ну и шуточки у вас, Акакий Евстафьевич, – неуверенно попыталась я сделать комплимент и вошла в кабинет вся.

– Так, давай к делу. – Шеф был настроен решительно. – Я приготовил для тебя подарок.

– Ого! Вот это новость! Вы выписали мне премию или увольняете, наконец, из этого дурдома? – прошупала я почву.

– Ни то, ни другое. Сейчас достану, обалдеешь от счастья! – Босс одарил меня лучезарной улыбкой и полез под стол.

Не успела я додумать всякие гнусности на тему того, что именно может достать руководство и за сколько минут я смогу добежать до канадской границы, как шеф вынырнул из-под стола с... переноской для животных. Внутри которой было подозрительно тихо.

– Это что такое? – севшим от переживаний голосом просипела я.

– Подарок! Да не бойся, он не кусается. Открывай! – Начальник от нетерпения пританцовывал на месте.

Ослушаться руководства – себе дороже. Я подошла и открыла дверцу. Внутри лежал маленький мохнато-серый комочек шерсти.

– А-а-а! – заорала я дурниной. – Мы-ышь!

– Не ори, секретаршу разбудишь! – гневно шикнул шеф. – Какая, к черту, мышь? Это котенок.

В это время «мышь», проснувшись от моих воплей, сладко потянулся, зевнул, открыл глаза и вывалился из переноски на стол, жалобно пищая.

– Господи, жуть какая! – не сдержала я эмоций.

– Сама ты жуть, – обиделся начальник. – И вовсе не какая, а какой. Это мальчик.

– У меня уже есть мальчик. Даже два. Акакий Евстафьевич, родненький, ну почему именно я пала жертвой вашей милости? В чем мой косяк? Можно меня просто поругать и отпустить с миром? – взмолилась я.

– Нет. Считаю, что это премия! – шеф был неумолим.

– А можно я возьму деньгами?

– Какая же ты меркантильная, тьфу на тебя! Давай, лови его, забирай домой и люби.

– Мое сердце занято. Там муж и сын. И у меня так-то полная семья, я в котках не нуждаюсь, – сопротивлялась я из последних сил.

– Ребенку нужно расти с домашними питомцами. Тебе это любой психолог скажет, – не сдавался шеф.

– А психолог не уточнял, как не сдохнуть от такого количества любви?

– Хватит пререкаться. Смотри, какой славный. На мою Дину похож. – С этими словами начальник заграбастал котенка своей могучей лапицей и чмокнул его в черный нос. – Представляешь, Динка моя, паразитка, загуляла с дворовым, вот и получилась гремучая смесь. Полубританец-полуголодранец! – Хохотнув, шеф протянул мне серый клубочек.

Я осторожно взяла в руки плод кошачьей страсти.

– Вот мне интересно, почему гуляла Динка, а расплачиваться должна я, совершенно невиновная женщина? – осматривая страшное, мохнатое существо, произнесла я задумчиво.

– Нет в мире справедливости, смирись, – философски заметил шеф.

– А можно хотя бы мужа подготовить? – рассеянно поглаживая пищащий комок шерсти, проямлила я.

– Радость должна быть внезапной. Муж у тебя кто? Военный? Он закаленный, справится с внезапно обрушившимся на него счастьем. С тобой же справился.

– Он бывший военный, – вздохнула я.

– Бывших военных не бывает, – шеф оставался непреклонен.

Стало совершенно ясно, что уйти без котенка не удастся. «Терять мне нечего, – рассудила я. – Поэтому, как говорится, была не была...»

– А можно я хотя бы его в вашу честь назову?

– Ага, разбежалась! Чтобы ты минимум три раза в день орала: «Акакий, иди жрать, скотина!» или, что еще хуже: «Акакий, ты опять нассал в тапки?» Обойдешься, – насутился мой начальник. – У кота должно быть нормальное имя. Барсик, например.

– Нагложоп – тоже неплохой вариант, – вяло парировала я.

– Ну, это вы там уже сами разберетесь. Как говорится, дело-то семейное. Все, идите. Переноску не забудь. Завтра вернешь. Мне еще троих надо осчастливить. Да, вот еще что: день рождения у него 12 апреля!

– Ну что ж, поехали, Гагарин недоделанный, – сказала я котенку, кладя его в переноску. – А вы, Акакий Евстафьевич, передайте своей блуднице мое искреннее неодобрение!

Прежде чем попасть в родной дом, нам с новоявленным питомцем пришлось покружить по району в поисках зоомагазина, чтобы купить ребенку все необходимое. Супруг, открывший дверь, замер на пороге в изумлении. На него смотрела нелепая инсталляция, лишь отдаленно напоминавшая жену. На месте лица – пакет с кошачьим кормом, вместо ног – мешок с наполнителем, левая рука нервно сжимает сверток с кошачьим туалетом, а в правой болтается переноска, из которой доносятся зловещие, заунывные звуки. То еще зрелище, согласна. Но мой благоверный – офицер запаса, поэтому мгновенно оценил ситуацию, сделал правильные выводы и по-быстрому освободил супругу из плена кошачьего инвентаря.

– Мы, конечно, планировали ребенка, но я не думал, что ты поймешь меня настолько превратно, – поздоровался муж.

– Бойся своих желаний, они имеют свойство сбываться, – нервно хихикнула я.

Мы позвали сына, кратко обрисовав ему ситуацию. Отрок обрадовался чрезвычайно и тут же захотел лицезреть нового члена семьи. Отец семейства осторожно открыл щеколду, и... повисла мхатовская пауза.

– Ну и жуть! – выдохнули мои мужчины в один голос после трехминутного молчания.

- Не плагиатствуйте. Я первая это сказала, – вздохнула я.
- Напомни, как зовут твоего шефа? – спросил любимый.
- Акакий Евстафьевич.
- Так ему и надо, – позлорадствовал супруг. – Слушай, а чем кормить-то наше пополнение?
 - Может, оно человеческими жертвами питается? – встрял сын.
 - Не льсти ему. Нервами человеческими оно питается. И разнообразным сбалансированным кормом. В рационе в необходимой концентрации должны присутствовать незаменимые кислоты, витамины, макро- и микроэлементы, необходимые для нормального роста, развития и физиологического состояния. Что вы на меня так смотрите? Я это на пакете прочитала.
 - Блин, я так не питаюсь, – грустно вздохнул муж.
- В этот момент котенок вылез из своего временного жилища, потянулся и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, пошел осматривать свой новый дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.